

А. В. Кривошеинъ.

Род. 1858 г. † 28/15 Октября 1921 г. въ Берлинъ.

Не стало А. В. Кривошеина. Въ его лицѣ съ русской исторической сцены сошелъ человѣкъ своеобразный и значительный. Одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей, значеніе и значительность которыхъ не зависѣли отъ ихъ внѣшняго положенія. Это относится одинаково и къ революціонной и къ послѣреволюціонной эпохѣ его жизни и дѣятельности. Если А. В. Кривошеинъ сдѣлать блестящую карьеру, то этимъ онъ былъ обязанъ не знатному происхожденію и не привилегированному образованію и товариществу, а исключительно своимъ личнымъ дарованіямъ. Примѣры Витте, Столыпина и Кривошеина доказываютъ, что т. н. „старый режимъ“ умѣлъ отбирать людей и ставить ихъ на свое мѣсто. Къ сожалѣнію, онъ не умѣлъ ихъ цѣнить и хранить.

Дореволюціонный періодъ жизни и дѣятельности Кривошеина навсегда связалъ его имя съ именемъ Столыпина — на долю Кривошеина выпалъ жребій быть главнымъ исполнителемъ столыпинской аграрной реформы. Но онъ не былъ только исполнителемъ и просвѣтымъ исполнителемъ: столыпинская реформа была воспринята и осуществляема имъ лишь какъ одна изъ задачъ государственнаго содѣйствія основному для Россіи сельско-хозяйственному промыслу. Съ удивительнымъ размахомъ и исключительнымъ перхолодическимъ мастерствомъ осуществлялъ Кривошеинъ задачи министра земледѣлія. Въ этой роли онъ развилъ кипучую культурно-государственную дѣятельность, порвавъ съ прежними чисто-бюрократическими приѣмами и глядя на широкую дорогу самаго либеральнаго, въ лучшемъ смыслѣ слова, и въ то же время чисто дѣлового сотрудничества съ общественными силами. Какъ государственный дѣятель, онъ сталъ „ловцомъ человѣковъ“, беря ихъ вездѣ, гдѣ только онъ ихъ замѣчалъ и съ неравненнымъ искусствомъ ставя ихъ на службу государственному дѣлу. Въ старой Россіи всегда бывало въ ея бюрократическомъ аппаратѣ одно вѣдомство, которому въ культурной работѣ, производимой государственной машиной, принадлежала руководящая роль. Съ половины 60-хъ гг. XIX вѣка до перваго десятилѣтія XX вѣка эта роль принадлежала министерству финансовъ. При А. В. Кривошеинѣ она совершенно явственнымъ образомъ перешла къ министерству земледѣлія, которое стало фокусомъ культурной работы всего государства.

Сейчас именно культурныя разрушенія, произведенныя революціей, такъ велики, что *обозрѣть* все сдѣланное въ этой области въ управленіе Кривошеина, по его инициативѣ и подъ его руководствомъ, не такъ легко. Но зато съ какой ясностью мы *ощущаемъ* громадность сдѣланнаго и размѣры произведенныхъ разрушеній!

Часто политическая роль А. В. Кривошеина, какъ члена правительства до мировой войны, мнѣ мало извѣстна, и я о ней не имѣю никакого сужденія по существу. Ясно, однако, что значеніе и роль А. В. Кривошеина и тутъ значительно превышали его официальное положеніе какъ одного изъ министровъ.

Это обнаружилось совершенно ясно въ 1915 г.^{*)}, въ критическія годы, когда могъ и долженъ былъ въ политикѣ русской монархіи въ отношеніи *среднихъ* общественныхъ элементовъ произойти какой-то поворотъ и сдвигъ. А. В. Кривошеинъ въ одной изъ своихъ немногихъ рѣчей вычеканилъ и пустилъ въ оборотъ въ свое время крылатое слово „мы и они“, какъ выразительную формулу пагубнаго противопоставленія правительства и общества. Въ 1915 г., казалось наступать моментъ, когда въ интересахъ великой національной борьбы надлежало окончательно порвать съ эгидъ прогнившаго правительства. А. В. Кривошеинъ направилъ всѣ усилія къ тому, чтобы этотъ спонтанный сдвигъ осуществлялся безъ всякаго ущерба для государства и его мощи. Эти усилія остались неуача, и Кривошеинъ ушелъ. Съ глубокой скорбью взиралъ онъ на дальнѣйшее расхожденіе монархической власти и государственнаго представительства, разхожденіе, смертельная опасность котораго для государства не учитывалась ни той, ни другой стороной.

Разразилась революція и въ быстрой сменѣ лицъ и событій кризиса къ торжеству большевизма. Единудивительна была та блестящая карьера, которую Кривошеинъ, благодаря своимъ личнымъ качествамъ, сдѣлалъ въ твердыхъ рамкахъ старой государственности, но еще болѣе разительна было то значеніе, которое онъ, единственный изъ государственныхъ людей т. н. „старого режима“, приобрѣлъ послѣ революціи или, вѣрнѣе, послѣ крушенія ея первоначальныхъ политическихъ замысловъ. Послѣ большевистскаго переворота приблизительно въ теченіе года въ тѣхъ московскихъ кругахъ, гдѣ формировалась общественная поддержка бѣлому движенію, А. В. Кривошеину принадлежала центральная и наиболѣе авторитетная роль. Вышеполитическое положеніе бѣлой Россіи было тогда въ извѣстной мѣрѣ еще менѣе опредѣленнымъ, чѣмъ позже: она была зажата между ослѣпнѣвшею Россію, но уже явно ослабѣвавшей Германіей и державами Согласія. А. В. Кривошеинъ не держался никакой „оріентации“ и преслѣдовалъ исключительно практическія цѣли организациі борьбы съ большевиками. Въ августѣ 1918 г. онъ переѣхалъ изъ Москвы въ Кіевъ, а затѣмъ въ Одессу, гдѣ его застало военное крушеніе сред-

^{*)} Въ этомъ году я съ нимъ лично познакомился и сошелся.

не-европейскихъ державъ. Наступила новая эпоха борьбы бѣлыхъ противъ большевиковъ, эпоха, полная великихъ надеждъ и такихъ-же разочарованій. Къ сожалѣнію и въ эту эпоху въ русской антибольшевистской средѣ не господствовало того единенія, которое было нужно для этой трудной во всѣхъ отношеніяхъ, а въ военномъ съ самаго начала совершенно неравной борьбы. Вотъ почему только, когда счастье рѣзко повернулось противъ бѣлаго дѣла, и войска ген. Деникина были изкаунѣ оставленія Ростова, А. В. Кривошенинъ былъ призванъ въ правительство. Сейчасъ уже почти всѣ, не участвовавшіе прямо въ политической жизни бѣлаго юга тѣхъ дней, и увѣренъ, забыли, что въ декабрь 1919-г. А. В. Кривошенинъ вошелъ въ правительство ген. Деникина въ роли главнаго начальника снабженій. Въ это время она уже быть въ Новороссійскѣ съ заграничнымъ паспортомъ въ карманѣ, готовый къ отъѣзду за границу. Несмотря на, если не полную безнадежность, то во всякомъ случаѣ, крайнюю смутность и положенія дѣлъ вообще и, въ частности, положенія самого правительства. А. В. Кривошенинъ не считалъ возможнымъ отказаться отъ предложенной ему должности и остался въ Новороссійскѣ. Тотъ, кто, какъ пишущій эти строки, пережилъ эти ужасные два мѣсяца въ Новороссійскѣ, когда со всѣхъ сторонъ валлись люди отъ сыпного тифа, когда на самого А. В. съ фронта обрушилась вѣсть о гибели одного и безслѣдномъ исчезновеніи другого сына, знаетъ, какую роль игралъ въ эти дни А. В. Кривошенинъ, являвшійся духовнымъ и волевымъ цементомъ тѣхъ остатковъ Деникинскаго правительства, которые пребывали въ Новороссійскѣ. Ему пришлось сыграть главную роль въ трудныхъ и подчасъ унижительныхъ переговорахъ съ англичанами; вмѣстѣ съ другими политическими и общественными дѣятелями онъ пытался (безуспѣшно!) наладить отношенія ген. Деникина съ генераломъ Врангелемъ, значеніе котораго, какъ военачальника, пользовавшагося огромнымъ довѣріемъ арміи, было тогда уже ясно всякому зрячему. Вся эта работа не привела ни къ чему, и въ половинѣ февраля А. В. прекратившись опять въ частное лицо, уѣхалъ въ Константинополь и далѣе въ Парижъ.

Тутъ его застало извѣстіе о переходѣ главнаго командованія въ руки ген. Врангеля и предложеніе послѣдняго принять на себя обязанности помощника правителя и главнокомандующаго. Несмотря на большія сомнѣнія въ успѣшности всего предпріятія и ужасную физическую слабость, вызванную въ значительной мѣрѣ той подкрадывавшейся уже къ нему коварной болѣзнію, отъ которой ему было суждено погибнуть такъ быстро въ настоящемъ году, А. В. поѣхалъ въ Крымъ и занялъ постъ, трудности котораго нельзя было преувеличить.

По существу, все зависѣло отъ соотношенія военныхъ силъ обѣихъ сторонъ, и никакая политика вообще, а тѣмъ болѣе политика, осуществляемая въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ на ничтожномъ пространствѣ съ остальной Россіей пространствѣ Крыма, не могла измѣ-

нить этого соотношенія. А. В. ясно понималъ это. Все въ государственномъ управленіи зависѣло отъ военнаго положенія. Но, понимая это, А. В. Кривошеинъ не покладалъ рукъ. Разъ была хоть какая-нибудь надежда удержаться въ Крыму, необходимо было всячески совершенствовать управленіе, подымать уровень экономической жизни, заботиться о военномъ и иномъ снабженіи и поддерживать финансы. Соотвѣтственно этому на три вещи было направлено главное вниманіе А. В.: на финансы, на военное снабженіе и на внутреннее управленіе. Но дни Крыма уже были сочтены, и въ ноябрѣ 1920 г. наступила катастрофа. Сейчас не время и здѣсь не мѣсто разсматривать причины того, что совершилось. Но это была чисто военная катастрофа, которую, въ данныхъ условіяхъ времени и мѣста, не могла предупредить никакая политика.

8

Съ 1915 г. я сблизился съ А. В. Кривошеинымъ и съ этого года мы, иногда расходясь въ оцѣнкѣ задачъ данного момента, въ основныхъ цѣляхъ и даже методахъ политическаго дѣйствія, чувствовали себя единомышленниками, несмотря на различіе въ возрастѣ, въ путяхъ нашего политическаго развитія и въ содержаніи нашего государственнаго опыта. Я шель слѣва, онъ шель справа, и мы сошлись въ какой то точкѣ или, вѣрнѣе, постоянно въ ней сходились. Во многомъ мы чувствовали по разному, но мы всегда понимали другъ друга, иногда сговариваясь чуть ли не на полусловѣ.

Вотъ почему я думаю, что политическій обликъ А. В., каковыи онъ сталъ въ эпоху революціи, для меня до конца ясенъ.

Прежде всего А. В. принадлежалъ къ числу рѣдкихъ людей, которые не только многое пережили, но и многому научились. Тому чему онъ научился, можно охарактеризовать такъ: любя Россію, онъ научился, ради нея, духу соглашенія. Человѣкъ консервативныхъ убѣжденій, монархистъ по чувству и по разуму, онъ сталъ ближе къ концу жизни принципиальнымъ сторонникомъ широкаго политическаго компромисса. Онъ сталъ таковымъ изъ *политическаго реализма* и въ предѣлахъ, имъ диктуемыхъ. Этимъ благопріобрѣтеннымъ духомъ широкаго компромисса объясняется и та роль, которую А. В. Кривошеинъ игралъ въ Новороссійскѣ, и тотъ авторитетъ, которымъ онъ пользовался у иностранцевъ. Въ Новороссійскѣ мнѣ приходилось съ представителями лѣвыхъ теченій слышать самыя восторженныя похвалы дѣловитости и умѣренности А. В. и тамъ же въ Севастополѣ я видѣлъ, съ каковыи уваженіемъ относились къ нему иностранцы за его тактичность и сдержанность, которую они одѣивали какъ политическую мудрость.

И въ самомъ дѣлѣ: въ результатъ долгой жизни онъ, вѣрный слуга исторической государственности, переживши ея ужасное крушеніе, въ этихъ переживаніяхъ не сломился, а вышелъ изъ нѣдъ

обладателемъ подлинной политической мудрости. Человѣкъ съ извѣстной и подчасъ даже саркастической складкой, какъ умѣлъ онъ въ хрепкихъ политическихъ врагахъ оцѣнивать проявленія и политическаго здраваго смысла и доброй воли къ соглашеніямъ! Это знаютъ тѣ, кому приходилось съ нимъ обсуждать каждый практическій шагъ и оцѣнивать и предугадывать поведеніе всѣхъ участниковъ той сложной политической работы, которая велась въ интересахъ Россіи съ конца 1917 г. по сей день. Я бы хотѣлъ, чтобы въ умахъ всѣхъ политически сознательныхъ русскихъ людей запечатлѣлся этотъ подлинный и послѣдній образъ А. В. Кривошеина, образъ умудреннаго, но не ожесточеннаго великими личными и государственными страданіями политическаго дѣятеля.

Еще одно я хотѣлъ бы подчеркнуть. Тѣ, кому пришлось быть современниками Витте, Столыпина и Кривошеина, не могутъ не чувствовать, что при всемъ индивидуальномъ различіи этихъ крупныхъ политическихъ дѣятелей, они принадлежали въ извѣстномъ смыслѣ къ одной исторической формации. Но какъ они были действительно индивидуально различны! Я встрѣчалъ и чувствовалъ Витте. Это былъ не только замѣчательно умный, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямо гениальный человѣкъ, однако безъ всякой индивидуальной духовной культуры. Столыпинъ, съ которымъ мнѣ, въ бытность членомъ второй Государственной Думы, пришлось вести длинныя и содержательныя бесѣды, былъ человѣкъ не только большого ума, но и исключительнаго волевого закала. Ни административно-политической гениальности Витте въ вопросахъ хозяйственной политики, ни волевого упора Столыпина не было у А. В. Кривошеина. Зато этотъ сынъ армейскаго подполковника и удородной польки былъ человѣкомъ индивидуальной культуры и имѣлъ вкусъ къ культурѣ вообще, чемъ не въ силахъ былъ ни о Витте, ни о Столыпинѣ. Будучи политическимъ реалистомъ, который живо ощущалъ ту народную почву, изъ которой онъ самъ выросъ и въ этомъ смыслѣ, пожалуй, демократомъ, А. В. въ то же время былъ подлиннымъ культурнымъ аристократомъ. Самъ интеллигентъ, ни художникъ, ни писатель, онъ любилъ мысль, влекся къ красотѣ, наслаждался искусствомъ и тонко цѣнилъ слово. Въ бесѣдахъ съ нимъ можно было находить большое умственное удовлетвореніе. Обобщающая мысль, образное слово, художественная форма были дороги и сродны его духу. Вотъ почему онъ такъ искренно и такъ глубоко принималъ къ сердцу интересы культуры; это была стихія, для него лично драгоценная.

Берлинъ, 31 октября 1921 г.

Петръ Струве.